

Александр Никишин

ПОХОРОНЫ АКАДЕМИКА А. Д. САХАРОВА

«Станцию «Спортивная» поезд проследует без остановки!» — услышал я в метро на Дзержинке и понял, что до Лужников придется добираться пешком.

Поезда на «Спортивной» не останавливали, опасаясь давки, но выглядело это так, будто нарочно чинят препятствие тем, кто хочет пройти в Лужники проститься с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. На «Фрунзенской», например, перекрыли проспект. Утром человек семьдесят прорвали милицейский кордон с криками: «Отняли мясо, хотите отнять душу! Хватит!»

Теперь поперек проспекта стояли автобусы, и офицер с мегафоном повторял бесстрастно: «Проход в Лужники справа по вашему движению, проходите по аллее». Я как услышал, сразу вспомнил похороны Брежнева. Я жил тогда на Сretenке; улица эта, обычно бурлящая людьми, была в день похорон пуста. Возле каждого переулочка, в нее впадающего, стояли военные и милиция, весь центр был перекрыт. Какая-то тревога витала в воздухе, все чего-то боялись, говорили чуть ли не о перевороте... Кто шел в магазин за молоком или хлебом, брал с собой паспорт, и офицеры первым делом начинали искать в нем прописку. Брат работал тогда в Колонном зале режиссером и участвовал «от администрации» в правительенных похоронах. Он носил на рукаве черную с красным повязку и по плату водил меня глядеть на высоких покойников. Когда входили в здание, молодой, суэтной генерал зашипел на меня: «Опустить воротник!» — и даже протянул руку в перчатке, но я уклонился и опустил воротник сам. Потом он же свистящим шепотом скомандовал людям, которые по двое поднимались по ковровой дорожке наверх: «Возвышенность преодолевать в темпе!», после чего все мы кинулись по лестнице, спотыкаясь и толкая друг друга. Помню, какие были злые лица у людей, — их свозили в центр автобусами со всей Москвы, инсценируя довольно бездарно, фальшиво всенародный траур...

Хоронить Сахарова люди шли сами, никто никого не неволил, автобусами не подвозил. На станции метро «Дзержинская», откуда я ехал, толпилось много народа, но почему-то легко вычислялись те, кто ехал именно в Лужники, — не только по цветам, ехали и без цветов; скорее решительность какая-то в лицах, отстраненность и торжественность выделяли их из бурлящей московской толпы. Это и мужчина, с каким-то вызовом глядевший на всех нас, ростом метра под два, в распахнутой дубленке, пыжиковой шапке и кожаных перчатках, которые он так и не снял, хотя в тот день было довольно тепло, и всю дорогу сжимал кулаки, словно к драке; и несколько молодых женщин, не проронивших за весь путь ни слова; и группа студентов, обсуждавших дела на факультете, но никак не грядущую панихиду. Мы потом все вместе прорыгались через милиционские кордоны на «Фрунзенской» и, узнавая друг друга, кивали, как старым знакомым.

С маршрута сворачивать не разрешали, во дворы не пускали, если не показывал паспорт со здешней пропиской. Маршрут был очерчен очень здраво, четко — милиционеры по обе стороны проложенной по снегу тропы, веточки елок, цветы. На улице Ефремова возле хлебозавода я насчитал два десятка автобусов с мили-

цией — в Лужниках же сбился со счета, столько там было веселых, румяных ребят в милицейской форме. Гогочут, курят. Меня зло взяло — в такой-то день! Я пошел прямо на них, тут же офицер: «Куда?» Я показал удостоверение, а он, пожав плечами, говорит удивленно: «Проходи, коль не шутишь». Прошел одну милицейскую цепь, за ней другая, а под аркой стадиона еще человек сто — курсанты училища МВД. В тулуках, валенках, ремнями перетянутые, переминаются с ноги на ногу. Чего вас так много-то? Кому это в голову пришло собирать на панихиду такое количество милиции?..

Иду дальше. Кафе, закусочные, скопление общепитовских точек. Люди стоят за стеклами, жуют, смеются, глядят на меня с любопытством — кто это там через кордон рвется? Иду и чувствую, что не туда попал, уж больно тут безмятежно. Спрашиваю девушку в спортивном трико: где будет панихида? Она окидывает меня непонимающим, презрительным взглядом: «Какой еще Сахаров? Какая панихида?» Отхожу, а она мне вслед со злостью: «Совсем с ума сошли — хоронить на стадионе!..»

Проводили панихиду не на стадионе, а возле, на открытой площадке, отданной Моссоветом под митинги. Когда позже стоял в толпе, ожидая гроб с телом А. Д. Сахарова, я много недоуменного услышал: «Почему его на Востряковском хоронят? Не на Новодевичьем?» Одна старушка сказала: «Таких, как Сахаров, должны у Кремлевской стены хоронить», — но на нее накинулись молодые ребята: «Там палачи лежат! Вышинский! А вы — Сахаров!..» Еще возмущались, что не объявили траур, на что какой-то решительный с бородой сказал зло, что траур у нас только по высокопоставленным, а Сахаров не из этих. «Мы им устроим траур», — вдруг бросил высокий, длинноволосый...

Выбравшись со стадиона, пошел я на крики-призывы мегафона. Снова наткнулся на милицейскую цепь, за которой уже виделось море людей, бьющиеся на ветру флаги. Их много было — красно-бело-красный латвийский; сине-черно-белый эстонский; желто-зелено-красный литовский, некогда буржуазные, теперь они развеваются всюду в городах Прибалтики, и только в Москве их никак не признают — на ВДНХ по сей день те, что ввели после войны... Андреевский был флаг над толпой и дореволюционный, российский, о котором уже многие успели забыть. Грузинские знамена плескались на ветру, армянские, украинские, и можно диву даться, до чего аккуратно смонтировало Центральное телевидение репортаж с панихиды по А. Д. Сахарову — ни одного «запретного» флага не попало в кадр. Не попала в кадр и шестерка, перечеркнутая крест-накрест жирными полосами, — плакат, призывающий отменить шестую статью Конституции.

«Чем я хуже вас? Встаньте, чтобы всем было видно!» — заранее заполошила крошечная бабешка. Ей закрыли вид на трибуну, и, не желая отходить в сторону, она накидывалась на здоровенного плечистого дядьку, который, возвышаясь над толпой, закрывал и мне панораму площади. Я стал бродить вдоль цепи солдат внутренних войск, которые не пропускали к трибуне и, натыкаясь на островки людей, останавливался, прислушиваясь к разговорам.

Мужчина без шапки читал вслух статью из «Московских новостей»: «Вещи ничего не значили для него. В доме не было ни хрусталия, ни ковров, ни роскошной посуды. Все приемы проходили на кухне, где отставшая от стены плитка крепилась лентой лейкопластиря...» «Какой был человек! — причитала негромко женщина, утирая слезы. — И имя-то как совпало — Андрей — мужественный!..» Говорили, что писатель, оклеветавший в своей статье жену Сахарова, заявился в Горький предупредить, что если и будет судебный процесс, то Сахарову его не выиграть — прокуратура пообещала. До суда дело не дошло — на эти слова Андрей Дмитриевич ответил ему пощечиной... Полковник в барашковой папахе вздыхает, парень в джинсовом глубоко затягивается сигаретой. «Сыночек, не кури», — просит бабка, и тот виновато гасит окурок... Другие люди — я прошел дальше — обсуждали хоккейный матч, гол Пряхина, — жизнь продолжалась... «Такого человека довели!» — говорили третья. Рассказывали, что дом, в котором жил Сахаров после возвращения из горьковской ссылки, весь в цветах, а на многих букетиках бумажки со словами прощания. Но не только. Были и другие слова: «Ты не умер, ты убит!» «Мы знаем, кто тебя мучал, мы отомстим твоим палачам!..» Когда я

это услышал, пришла на ум фраза из Герцена о том, что «ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром» и что «будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок...».

Еще рассказывали, что над подъездом его дома висел плакат: «Убедительная просьба и требование Елены Георгиевны — никаких речей!» Свечи были у дома, тысячи свечей, горы цветов. Услышал, что к Дворцу молодежи, где был установлен гроб с телом Сахарова, стояли по пять часов — людская цепь тянулась от «Фрунзенской» через Хамовники, аж к Парку культуры. Еще говорили, что спекулянты подняли в тот день цены на цветы. Две-три штуки в окрестностях Дворца молодежи «шли» по пять — восемь рублей. А когда вот так же, что называется, всенародно, стеклись 23 августа 1987 года латыши в Риге к памятнику Свободы, требуя признать незаконность пакта Риббентропа — Молотова, колхозники, торговавшие цветами, отдавали — я тому свидетель! — красные и белые розы и гвоздики бесплатно, а из тех цветов люди складывали цветы национального флага, ощущая себя народом, а не толпой, где каждый сам за себя...

Ну а как же без девушек Чернышевского с горящими глазами, разночинок, из тех, что могут вдруг на кладбище у гроба продекламировать с надрывом: «Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» Такое изъявление чувств меня коробит, и когда в одном из кружков симпатичная девушка с распущенными волосами, стянутыми на лбу креповой ленточкой, начала вдруг, закрыв глаза и раскачиваясь, читать вполголоса: «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил, в борьбе за народное дело ты голову честно сложил...», я отшатнулся, — что-то во всем этом было фанатично-фальшивое...

Другие люди обсуждали вещи вполне материальные: сколько денег передал Сахаров народу? Двести тысяч долларов? Или двести пятьдесят? Он ли открыл психдома, куда кидали недовольных режимом, или до него кто?

«Природа плачет по хорошим людям», — слышу из людского островка. Эту фразу повторяли в тот день многие: нежданно-негаданно, после лютых декабрьских морозов, в одночасье началась оттепель, Москва оттаивала, как оттаивает обычно весной, ветер гнал по лужам старые газеты, мусор из-под просевших сугробов. Здесь, на площади, правда, все равно холодно, дует ветер, люди жмутся друг к другу, и это дает ощущение единства огромной, пестрой толпы... Вот новый людской островок — плотный, наэлектризованный, — вокруг небритого армянина в кепке. О чем он говорит громко, надрывно, стирая с лица слезы? «Нас пять тысяч таких беженцев. А сколько в Краснодарском крае, кто это знает! У многих из нас совместные браки, один мой племянник на русской женат, другой на азербайджанке, как им быть, что им делать, куда детей теперь?.. Вы не представляете, что у нас там, вы в Москве ничего не знаете, вам лгут! Мой дом сожгли, а кто наказан? Никто! Ни один человек! Неужели не могут сто человек изолировать, которые воду мутят? Меня в Москве посадят из-за прописки, а в Баку куда милиция смотрит!.. Андрей Дмитриевич, он один нам в Москве помогал, один! Мы к нему обратились: где та валюта, которую нам дали, которую беженцам обещали? Узнайте, просяли. Я вам помогу, — это он сказал, а теперь ни Сахарова, ни валюты! Не верьте чиновникам, они докажут, что валюту мы сами проели!..»

Еще был человек, ждавший помощи от А. Д. Сахарова, — капитан-лейтенант из Севастополя Стефановский. Отчаявшись обнародовать свою статью о причинах аварий на нашем военно-морском флоте, он приехал в Москву к Сахарову, но не успел немногого...

«Меж люлькою и гробом спит Москва», — вспомнил я из Баратынского, увидев женщину с крохотным ребенком на руках. Рядом с ней держали плакат: «Простите нас, Андрей Дмитриевич, мы должны были выйти на площади в 80-м». Шагнул дальше, и вдруг простецкого вида тетка в серых толстых чулках и стоптанных мужских ботинках, дешевом плащике вытащила из старенькой сумки листок бумаги и подняла его над головой. На листке было от руки начертано: «Андрей Дмитриевич Сахаров — луч света в темном царстве агрессивно-по-

слушного большинства!» Она держала его двумя руками, на сгибе правой была сумка, листок бился на ветру, и видно было, что держать ей свой плакатик неудобно. Не успел я об этом подумать, как вдруг какой-то старик с костылем пошел к ней и, слова не говоря, взялся за край плакатика. Так они и стояли вдвоем — тетка в зеленой вязаной шапочке и дед-инвалид с орденскими планками, которые были видны, когда он распахнул пальто. Телевидение «Латвийской республики», как было обозначено на телекамере в руках у худенького оператора, тут же начало их снимать. Те, я видел, очень волновались, листок подрагивал в их руках, стояли они тихие, торжественные, серьезные, и по всему было видно, что решиться на такой поступок им было непросто. Одно дело, когда тебе двадцать и тебе, что называется, море по колено, другое — когда жизнь прожита, когда рушится тот миропорядок, который казался идеальным, когда легче не принять, отторгнуть, оберегая душевный свой комфорт, заткнув попросту уши, чтобы не слышать ничего...

Но вдруг смолкли все разговоры. Разом качнулись люди к автобусам и грузовикам с установленными на них камерами и динамиками — те автобусы и грузовики служили одной большой трибуной, и с этой трибуны первыми увидели катафалк. Толпа сдвинулась с места, потекла вперед, стала напирать на цепь взвешившихся под руки солдат, сдерживавших напор. «Назад, пожалуйста, назад!» — это Юрий Афанасьев, стоя на трибуне, пытается образумить людей, которые тесно смыкаются вокруг автобуса с телом А. Д. Сахарова, не давая проезда. «Отойдите назад!» — вторит Афанасьеву Гавриил Попов. Опять Афанасьев: «Освободите проход! За портретом свободное место, встаньте справа и слева от портала!»

Перед катафалком несут большой портрет А. Д. Сахарова. Он глядит печально, немного насмешливо и иронично на всех нас, отчаянно толкающихся, рвущихся к нему поближе.

«Я вас прошу,— это уже голос Е. Г. Боннэр. В открытую дверь автобуса она говорит в плохонький мегафон, надсадно хрюпящий, из-за чего я слышу только конец фразы: —...то, что было в 53-м! Мы же повзрослели!..» Не помогло, толпа напирает, а особенно молодежь, которая слабо представляет, что могло быть, когда в 53-м хоронили Сталина... «Два-три метра назад!..» «Кто там командует?» «Да Афанасьев же, который про агрессивно-послушных!..» «О-о!» Опять голос Е. Г. Боннэр: «Я вас прошу, послушайте меня!», но толпа не справляется сама с собой, я чувствую, как меня несет прямо на радиатор грузовика. «Тут звери или люди? — голос у Боннэр и просящий, и осуждающе резкий.— Вы пишете: простите нас, Андрей Дмитриевич, а сами!..» Но люди наконец понимают, что так дальше продолжаться не может, медленно, незаметно как-то отступают от автобуса, с трудом, но освобождают проход для тех, кто выносит гроб. «Не открываем, нам не разрешили!», — Е. Г. Боннэр говорит про гроб тихо, но из-за того, что стоит возле микрофона, вся площадь слышит каждое ее слово.

Кто-то откашлялся на трибуне и сказал: «Мы начинаем!», но тут вмешались: «Нет-нет, сейчас полонез Огинского будет!» Сказали, прибавив не совсем вразумительно: «Эта музыка сопровождала польское Сопротивление последние сто пятьдесят лет... Прощание с Родиной!»

Шипение пошло через динамики, треск, словно включили старый-престарый граммофон. Полилась грустная мелодия, пробравшая насквозь, но на трибуне кто-то влез не слишком деликатно: «Долго очень!» И музыку оборвали на высокой ноте, а с ней и пронзительную ясность происходящего на площади. Словно бы по рукам дали пианисту...

Я не старался стенографировать все сказанное на панихиде, да и трудно было это сделать — толпа оттеснила меня далеко от трибуны, а усилители допотопные искали слова. Многое переспрашивал у людей, кое-что мне диктовали, конечно же, не безошибочно. Я беру из торопливого блокнота только отрывки самых запомнившихся выступлений, оставил за собой право некоторые из них проанализировать, чтобы читающие это в полной мере представили, как проходила эта панихида...

Д. С. Лихачев, народный депутат СССР:

— Глубокоуважаемая Елена Георгиевна! Родные, близкие, ученики, товарищи!..

(Когда его слабый голос, в котором было столько боли и страдания, усилило железо динамиков, над притихшей враз площадью пронесся шёлест — стали снимать шапки...)

— Он был пророк, призывавший современников к нравственному обновлению ради будущего. Как всякий пророк он не был понят и был изгнан из своего города... Виновата и Академия наук. Келдыш отстаивал Андрея Дмитриевича, доказывал, что перед нами величайший ученый... Многие академики письмо против него не подписали... Зловещее письмо... Нам этого не простили... Прости и прощай в старом и новом смысле этого слова!..

(Не только Келдыш заступался за Сахарова. В защиту Андрея Дмитриевича в годы его ссылки выступил 86-летний П. Л. Капица. «Я очень старый человек, — писал он Брежневу и Андропову. — Жизнь научила меня, что добрые поступки никогда не забываются. У Сахарова отвратительный характер, но он великий ученый нашей страны...» Многие в те годы молчали, но не Капица, во времена ежовщины возвысивший свой голос в защиту опального Ландау, а в 37-м писавший в Совет Народных Комиссаров: «...Если в биологии ты не Дарвинист, в физике ты не Материалист, в истории ты не Марксист, то ты враг народа. Такой аргумент, конечно, заткнет глотки 99% ученых... Такие методы спора не только вредны для науки, но также компрометируют... Дарвинизм, Материализм или Марксизм. Тут надо авторитетно сказать спорящим: спорьте, полагаясь на свои научные силы, а не на силы товарища Ежова...» Писал он это, рискуя головой, писал, предвосхищая некоторые идеи своего ученика А. Д. Сахарова. Итальянец Мартелли так и сказал на панихиде: Сахаров не подчинял вопросы науки вопросу власти.)

Олжас Сулейменов, народный депутат СССР:

— Андрей Дмитриевич не любил лестных слов. Теперь будет произнесено много лестных слов в его адрес... Последний вечер он провел в гостинице «Москва», в моей комнате. Мы снимаем фильм «Невада — Семипалатинск», и он дал согласие рассказать все, что знает об истории испытаний... Его слова как завещание, как последняя воля. Он настаивал на том, чтобы и подземные испытания были прекращены... Щербинка — поселок под Горьким, он был туда сослан. На каменной совести нашей державы много таких щербиноок... Те, кто здесь стоят, не должны испытать того, что выпало на его долю...

Евгений Евтушенко, народный депутат СССР:

— Он был воплощением всего того лучшего, что нам оставила русская интеллигенция... Он доказывал, что лучшее будущее не стоит слезы невинного ребенка. Он отстаивал принципы защиты маленького человека, считая, что нет маленьких людей, нет маленьких страданий...

И взмахнув рукой, без перехода и объяснений, стал читать свое стихотворение на смерть А. Д. Сахарова:

Забастовало сердце, словно шахта.
Еще вчера, от снега все седей,
он вышел из Кремля без шапки, шатко,
сквозь призраки бояр, царей, вождей.
За ним следил Малюта в снежной пыли,
и Берия, и тот палац рябой...
Предсмертные слова такими были
к жене и миру: «Завтра будет бой...»

Сергей Ковалев. (Его так и объявили — без титулов и званий. Да и откуда ему взять и то, и другое, человеку, чье имя десятилетиями произносилось в ряду «отщепенцев», «предателей Родины», людей без чести и совести. Фамилию Ковалева я услышал в 84-м, когда разразился скандал в молодежном журнале, печатавшем фантастический роман Артура Кларка, посвященный А. Д. Сахарову. Волею автора в экипаж космолета попали советские правозащитники, среди ко-

торых был и Ковалев. Главного редактора сняли тогда с треском — «за утерю бдительности»...)

— В начале 70-х грязный пакостник написал про Сахарова «простак». Хотел облить грязью, а сказал правду. Это была неслыханная, невыразимая простота. Он ясно и глубоко мыслил и поступал, как говорил. У него не было выбора: что сказать и как сделать, потому что правда, ответственность и добросовестность неотделимы. У него не было выбора — заступиться или нет, он заступался всегда. У него не было выбора — промолчать или не промолчать, — он не молчал. Мерзавцы требовали, чтобы он подписал обращение. «Я не подписывал ничего, с чем не согласен», — ответил Андрей Дмитриевич. У него не было выбора, когда он шел на трибуну Съезда. Его поносили, и этому поношению стоя аплодировали великие авторитеты. Он умел чувствовать чужую боль. Нехотя он вошел в историю, равнодушно — он давно там свой человек. Было сказано: не стоит село без праведника... Он подтверждал свою точку зрения не словами, а поступками... Говорят о новом политическом мышлении. Он не делил мышление ни на новое, ни на старое. Он был добросовестен и правдив. Он сидел в тюрьме тысячи раз вместе с нами, с каждым из нас, с друзьями, которых он никогда не видел. Аргументы теперь не за ним, «простак» выложил все свои аргументы. Как всякий простой человек, он ничего не таил... Есть еще политические заключенные, Андрей Дмитриевич умер за каждого из них. Давайте добьемся, чтобы их освободили!..

(А ведь они похожи, академик Сахаров и Ковалев, о котором далеко не все знают! Горбачев позвонил Сахарову в Горький, чтобы сообщить об освобождении его из ссылки, а он первым делом сказал о гибели правозащитника Анатolia Марченко в тюрьме. Не о себе стал говорить, а о своем письме в Правительство об освобождении в сех узников совести, которые, по словам Сахарова, пострадали за убеждения и никогда не применяли насилие в политической борьбе — на площади об этом много говорили. И еще добавил, что сделает все, чтобы подобного не было никогда... И Ковалев на панихиде — тоже, казалось бы, не ко времени — о политзаключенных. Что это? Истинная солидарность борцов?..

На площади в Лужниках я думал о том, как мало наше знание о тех, кого одни называли «узниками совести», другие — «предателями и отщепенцами»! Мне было 13 лет, когда наши танки вошли в мятежную Прагу. Мы все тогда перестроились искрометно быстро — только что чехи были нашими добрыми союзниками, друзьями, «братьями по классу», но в одночасье стали врагами, ведь они убивали наших ребят и смерть каждого из них отдавалась ненавистью к их убийцам. Почему они там гибли, почему там оказались — зачем нам было это знать! Мы восторгались страхом канцлера ФРГ, который будто бы приказал армиям НАТО не провоцировать приграничных конфликтов — иначе русские дойдут и до Ла Манша!. От нас скрывали, что Александра Дубчека, когда везли на транспортном самолете в Москву, избили наши десантники. А что изменилось, узнай мы об этом? Что изменилось бы, узнай мы о статье Анатolia Марченко, открыто восставшего против вторжения в Чехословакию, — он призывал наше руководство остановиться и в тот день, когда советские танки входили в Прагу, был судим «за нарушение паспортного режима» народным судом... Что изменилось бы, узнай мы о том, что кто-то там на Красной площади развернул плакат «Оккупанты, вон из Праги!» и за это был избит толпой? Что изменилось, узнай мы о том, что А. Д. Сахаров был против ввода наших войск в Чехословакию? Ничего бы не изменилось, но тем значимее то, что делал и он, и его единомышленники, пытаясь совершил безнадежное — разбудить страну, «что раскисла, опухла от сна»...).

Евдокия Гаер, народный депутат СССР. (Если быть точным, ей дали слово, когда уже увезли гроб с телом А. Д. Сахарова).

— Мы не толпа! Мы уже не толпа!

Она кидала эти слова в микрофон и плакала, плакала, маленькая, хрупкая женщина, едва ли не в одиночку защитившая Сахарова на Съезде народных депутатов. Ее из-за трибуны-то было видно едва-едва, а на тебе, никого не побоялась!..

«А что вас так много-то, солдатики?» — спрашивали люди у тех, кто стоял в оцеплении, расчленив толпу на многие части. «А мы и сами не знаем», — отве-

чиали те простодушно, пожимая плечами. Кто-то тогда сказал, как обрезал: «Не трогайте пацанов, пусть стоят! Пусть слышат, что здесь говорится! Эти уже не будут свой народ бить саперными лопатками!..»

Я нарочно переписал в блокнот характерный этот диалог — в тот момент с трибуны выступал майор, чью фамилию ни я, ни те, кто был рядом, не услышали из-за барахливших динамиков. Он представлял неформальную организацию «Щит» и был выдвинут кандидатом в народные депутаты. Когда же в военной академии, его выдвинувшей, узнали, что доверенным лицом согласился быть А. Д. Сахаров, здешнее начальство охватила паника. Фамилия майора исчезла, говорят, из списков.

— Дело Сахарова будет жить! — сказал майор неверным голосом, в котором слышались слезы, рубанул фразу.

Анатолий Собчак, народный депутат СССР:

— Вся его жизнь была символом. И смерть — тоже. Он умер 14 декабря, в тот день, когда много лет назад горстка лучших людей России восстала против рабства. Да святится имя твое!

Витаутас Ландсбергис, народный депутат СССР от Литвы:

— ...В Вильнюсе на Кафедральной площади звучит траурная музыка. Друг справедливости, друг Литвы... В три часа по московскому времени, когда начнутся похороны, в Кафедральном соборе начнется месса по Андрею Дмитриевичу Сахарову... Мы, народные депутаты от Литвы, прощаемся с ним здесь, склоняя головы скорби и поднимая головы в надежде и вере...

Виктор Пальм, народный депутат СССР от Эстонии:

— Народы Литвы, Эстонии и Латвии склоняют головы... Хотя и не было решено объявить день его смерти днем траура, народ рассудил по-своему... Андрей Дмитриевич за многие годы предвосхитил то, что нужно народу... Разработал Конституцию республик Европы и Азии. Может быть, судьба дает нам возможность осуществить его идеи и предотвратить скатывание в пропасть... Не удалось убедить Съезд во многом, и если это не удастся в дальнейшем, слово за народом, скорбящим о своем лучшем гражданине...

Глеб Якунин, священник:

— Я был потрясен, когда увидел его впервые. Дон Кихот! «Сила Божия в немощи совершается»...

(Проехал поезд, слова Якунина потонули в грохоте колес, я услышал только про то, что Елена Георгиевна Боннэр призывает не делать из Сахарова икону, распятие, но, по мнению Глеба Якунина, это и передает суть народной любви к Сахарову... «Поплачь о нем, пока он живой, люби его, какой он есть», — вспомнились слова из песни популярного рок-ансамбля. Вот уж, воистину...)

— ...В Елоховском соборе пели «Вечная память»... Сахаров — исторический феномен. Он начал безнадежное дело — борьбу с тоталитарной структурой власти... Сделаем же все, чтобы его дело победило! Впереди будет хоругвь — имя и светлый образ Андрея Дмитриевича...

(Бабушка в черном крестилась рядом, шептала что-то о блаженных чистым сердцем, «ибо они бога узрят», а я думал о том, что священник Глеб Якунин свою борьбу с тоталитаризмом начал еще в 60-х, когда Н. С. Хрущев повсеместно закрывал церкви, обещая, что скоро не останется попов. «Поп» Якунин защищал свободу совести, но в тюрьму шел «за политику». Провел в лагерях пять лет, два года в ссылке и освобожден был при Горбачеве вместе со 150 инакомыслящими. В лагерях он не сдавался, требовал, чтобы верующим разрешено было молиться, иметь на руках Библию и Молитвословы, — какой-то по виду бывший заключенный в полуниценском одеянии и рваных ботинках, стоя рядом со мной, объяснял про Якунина вполголоса. «А он чего, Сахарова знал?» — спросила у него женщина, и тот, глянув на нее с изумлением даже, сказал, как отрезал: «А как ты думаешь, если он на зоне сидел?..»).

Аркадий Мурашов, народный депутат СССР:

— Восемьдесят лет назад Россия хоронила Толстого. В этот день происходит событие того же масштаба. Море крови и море горя между этими событиями. Рассвет еще не наступил, но он близок!..

Илья Заславский, народный депутат СССР:

— Почему траур снизу? Почему он умер? Почему сегодня на Съезде, который не приостановили, восстанавливают выборы от общественных организаций! Только его идеи могли и могут что-то изменить. Только широкое движение народа может реально воплотить его идеи...

Митрополит Питирим, народный депутат СССР:

— Дела земные, они велики. Добрые дела идут вслед за ним. Его душа предстанет суду Божиему... Доброту, милосердие, мужество и совесть должна пробуждать минута, когда мы прощаемся не с человеком — с гробом. Пусть этот день останется напоминанием о доброте...

Ромашевский, Польша, «Солидарность»:

— Самолет с Лехом Валенсой не смогли посадить в Москве из-за погоды, и он сейчас в Ленинграде. От имени польского народа, «Солидарности», парламента соболезнуем вам, потерявшим великого сына этой земли. Надеемся, что наши народы смогут следовать путем чести, ответственности, любви, гордости. Следуя этим путем, построим демократическое общество двадцать первого века!..

(...В те дни, когда наши газеты писали о «провокаторах» из «Солидарности», я познакомился с польским коллегой. Нам было по 24 года, но на мир мы смотрели разными глазами. Для меня «Солидарность» была пугалом, для него — делом жизни. Я верил, что Валенса, Куронь, Ольшевский, Юрчик, Руевский — враги социализма, верил в искренность писем, что печатали в те дни «Правда» и «Известия»: «Мы, металлурги Магнитки... на себе ощущаем живительную силу коммунистических идей... 60-тысячный отряд металлургов в один голос заявляет низкопробным политиканам из руководства «Солидарности»: «Не прикасайтесь к нашим святыням!», «Мы, рабочие Минского тракторного завода...», «Мы, рабочие киевского завода «Арсенал»... Он, поляк, доказывая мне, что «Солидарность» — это не экстремисты, а большая часть польского народа, и видя, что до меня это не доходит, едва не хватая меня за грудки, кричал: «Но ведь ваш Сахаров за нас, как ты можешь быть против?!», а я пожимал плечами — я почти ничего не знал тогда про Сахарова... К стыду своему? Или к стыду тех, кто клеветал на него, кто скрывал от нас его идеи?..)

Владимир Яворивский, народный депутат СССР от Украины:

— ...В Киеве зажгли сегодня свечи... В свободе после его смерти образовалась дыра. Кто-то обнаглел теперь и на Съезде, который продолжается в эту минуту... Мы не меньшинство! С нами был и будет Андрей Дмитриевич Сахаров!..

Гавриил Попов, народный депутат СССР:

— ...Андрей Дмитриевич — великий ученый и политик... Он осознал задачу компромисса... Победим консерваторов!..

(Попова было плохо слышно, он говорил тихо, я с трудом разбирал его слова. Еще он говорил о прошлом, об уроках, но как-то сбивчиво, невнятно, видно было, что волновался...)

Анатолий Шабад, Московское объединение избирателей:

— Десятки тысяч людей стояли по многу часов к гробу... Море народной скорби впервые адресовано не к тому, кто убивал народ, а к тому, кто его любил...!

Галина Старовойтова, народный депутат СССР:

— ...Не услышим его картавого голоса. Мы привыкли, что язык дан, чтобы скрывать свои мысли. Он был другим...

Виктория Чаликова, «Московская трибуна»:

— ...Осиротели русские шахтеры, крымские татары, неформалы. Осиrotela земля. Он был гением неведения. Он не понимал, что надо отличать победу от поражения, он считался плохим политиком. Спор закончился сегодня. Десятки лет его представляли врагом, а он за несколько месяцев покорил народ... Он был великим оппонентом руководителя государства. Он защищал Сергея Кузнецова, умирающего в Свердловске...

(«Кто он такой, Кузнецов?» — спросил меня пожилой мужчина, видя, что я все речи записываю в блокнот. Я сказал то, что сам знал — что судили его за «клевету» на областное начальство в Свердловске и что в тюрьме он объявил го-

лодовку. Об этом я узнал недавно на встрече неформалов с журналистами Москвы. Там был Лев Тимофеев, и кто-то предложил восстановить его в Союзе журналистов СССР, а он взял и заяви, что для него важнее, чтобы освободили независимого журналиста Сергея Кузнецова. Он же предложил проголосовать за резолюцию в его защиту, но я поймал себя на том, что голосовать не могу, не зная толком, ни кто он такой, Кузнецов, ни того, что он писал. Даже мысль за-крадлась паскудненькая — а черт его знает, что он там мог написать в неформальной газете, надо бы прочесть сперва... А. Д. Сахаров защищал Кузнецова, не спрашивая — что он писал? Он кидался выручать человека, считая, что каждый имеет право и говорить, и писать то, что думает...)

— ...Незнакомые люди обнимают нас и плачут — это начало великого единения... Смерть праведника спасет всех нас...

(«Лучше б он жил!» — плакала женщина рядом, а я, вспомнив рассказ бывшего зэка сталинского Кенгира Д. Н. Абезьянина о том, как «политические» расшифровывали аббревиатуру «СССР» — «смерть Сталина спасет Россию», подумал: но разве такое верно о Сахарове? Видя его, слыша его голос, разве не давили мы из себя по капле раба, перебарывая паскудный свой, липкий страх за себя и близких? Разве не менялись мы, зная, что он есть?.. Пожилая женщина подняла над площадью самодельный плакатик: фотография А. Д. Сахарова (сидит, подперев подбородок рукой, внимательно вслушиваясь в чьи-то слова), наклеенная на картон и обведенная черной рамой. На обороте — от руки, неровно, косо-вато выведено: «С ЕГО КОНЧИНОЙ МИР ОСИРОТЕЛ...». Таких плакатиков было несколько, и все они были в руках у людей пожилых. Я глядел на них, вспоминая липгатовскую статью Юрия Роста «Академик» (в оригинал «Гражданин академик»), — идя в 86-м на вокзал встречать Сахарова из ссылки, он переборол свой страх. Но сколько их, не переборовших! В редакцию, где работаю, прислали вырезку из газеты — ветеран войны едва ли не от имени поколения клеймил позором Сахарова — за его требование отзывать наше посольство из Китая. За то, что выносит «сор из избы», требуя к ответу афганскую войну. За то, что называет партизанами душманов и требует для них компенсацию. Другой ветеран — Г. Л. Чередниченко из Ленинграда, прислав вырезку в редакцию, взыпал: «Пожалуйста, заступитесь за А. Д. Сахарова!» Но нуждается ли он в нашем заступничестве? Он, совесть народа, его боль и гордость? А может, наоборот, в его заступничестве мы нуждаемся? И осознав это, поймем, что никакими политическими мотивами не оправдать будет гибель инакомыслия под танками на пекинской площади Тяньаньмень. Что требуя правды об Афганистане, он защищал нас от еще большей лжи. Что переступая через ненависть к душманам, убивавшим наших парней, он защищал право любого народа решать свою судьбу без вмешательства извне, как бы оно благостно и пристойно ни обставлялось... Что подставляясь под удары, он защищал не себя — он того ветерана защищал, клеймившего его, — от презрения потомков...).

Зорий Балаян, народный депутат СССР от Армении:

— ...Мы гордимся, что жили в эпоху Сахарова. Он спешил туда, где боль. Его видели на дорогах Нагорного Карабаха, на развалинах Спитака, в завалах разрушенной школы... Сегодня по великому подвижнику плачет армянский народ на площади Андрея Сахарова в Ереване... Армянский народ разделяет вашу боль, припоминая стихи Аветика Саакяна: «Всё суета, всё проходящий сон. И он ничто, пылинка в мире, но боль его громаднее вселенной...»

Лев Пономарев, «Мемориал»:

— ...Шестьдесят тысяч человек подписалось под обращением отменить 6-ю статью Конституции... Кто за ее отмену, поднимите руки!..

(Руки взлетели, частокол рук, но мне вдруг как-то неловко стало — голосовать у гроба? Пришло на ум из Баратынского об «уже кадящих мертвому, чтобы живых задеть кадилом»...).

— ...Еще несколько десятков тысяч москвичей, устное мнение народа, — слышу с трибуны и думаю о нашей бестактности. На меня даже косятся — зачем ты здесь, если руки не поднял? Что ж, в другом, приличествующем месте, поднял бы...

Юрий Афанасьев, народный депутат СССР:

— ...Мы еще до конца не осознали масштаб случившегося... Те три минуты, которые мы посвятили на Съезде Сахарову, роняют достоинство Съезда и подают урок безнравственности. Последними его словами были: «Завтра будет большой бой...» На завтра было задумано собрание Межрегиональной группы, на которой мы должны были выработать свое отношение к Съезду, к ЦК, к руководству. Позиции группы по принципиальным вопросам расходятся с теми, которых придерживается руководство страны...

(Тут по путям снова пошел монотоннейший, длиннющий состав, заглушил слова Афанасьева. Поезда шли часто, и некоторые машинисты, зная, видимо, зачем тут собралось такое количество людей, давали короткий, резкий гудок, провожая Сахарова...)

— ...Съезд ушел от важнейших вопросов, не счел нужным поднять вопрос о прекращении партийной монополии, о ликвидации имперской сущности СССР. Он не готов преодолеть тот антинародный социализм, который мы имеем. Каким образом заполнить ту брешь, которая образовалась в демократическом движении страны? Я обращаюсь с призывом ко всем тем, кто хотел бы осуществить перестройку, сплотиться в Союз демократических сил имени Андрея Дмитриевича Сахарова!..

Сергей Станкевич, народный депутат СССР:

— ...Не допустим, чтобы властвовала чиновничья рать, чтобы бесценные достояния народа — земля, заводы, интеллект гробились, разваливались, бездарно растратчивались! Вернем то величие, которого заслуживаем! Будем с теми народами, которые прорываются к новой жизни!..

В блокноте кончились чистые листки. Я раскидывал по исписанным страничкам чьи-то слова: «...кто, как Андрей Дмитриевич не был бы подвержен никакой конъюнктуре...», «Снизойдет на нас его прощение...», «...приходили и приезжали к нему со всей страны, тысячи писем стекались к Сахарову, и всем он отвечал, старался помочь...» И еще: «...он был другом тех, кто умер в лагерях или был выдворен за границу...» И еще: «...весь мир работает над расщеплением протона, над великой идеей Сахарова, и горько, что этот триумф он не разделит с нами...» И еще: «...он — величайший русский человек и по отношению к таким людям можно говорить, что он был старшим братом...»

Чьи это слова? Ученых Осипьяна и Фрадкина? Правозащитницы Великановой? Поезда же шли и шли. Давали гудки, проходя мимо. За насыпью слышались крики, усиленные железом рупоров. По насыпи ходили милиционеры и сговаривали тех, кто хотел увидеть панихиду сверху. Было холодно и горько. «...Чтобы кладбище не разрушить, со мной поедут только члены семьи и близкие», — это голос Е. Г. Боннэр. На прощание включили запись музыки Альбинони. «Любимая мелодия Сахарова», — пояснила его вдова. Автобус с гробом тронулся медленно, размывая толпу. Сказали, что начнется митинг Межрегиональной группы, но многие стали расходиться — гражданская панихида по А. Д. Сахарову и без митинговой подпитки их пробудила...

Потом объявили, что открыта станция метро «Спортивная», добавив, что идти до нее следует только по проезжей части. Так мы и пошли, не скандаля, не возмущаясь, — нестройной, молчаливой толпой сквозь строй милиционеров, которые густыми цепями стояли до самых дверей метро. Слыша призывы офицеров не выходить на тротуар, я думал о том, что испокон веку в России пристальное всего приглядывают за теми, «которые учнут в фортеции злые толки распускать и противу службы злое умышлять», что не перевелись у нас городничие, считающие, что «добрые люди сидят дома, а не шатаются по улицам...»

Турникеты в метро отключили, пятачки мы кидали в какую-то пространную, бездонную емкость. Деньги падали со звоном, народ валил и валил, и что-то странное было во всем этом — под сводами станции стояли лишь монетный звон да шарканье ног — людям словно бы не о чем стало говорить.

«Артисты Большого театра пригласили нас всех на «Хованщину», и нам надо закончить», — такую оптимистическую точку поставили в день похорон А. Д. Сахарова на очередном заседании Съезда народных депутатов.

На Ярославском вокзале кооператоры увещевали прокатиться по Москве — «могила Высоцкого», «могила Даля», «могила Есенина», «могила фигуристки Пахомовой» — тур на тот свет? Слушая бодрый, ярмарочный голос гида, разносившийся над площадью, я подумал, что пройдет немного времени и вот также станут полоскать на московских площадях имя Сахарова, приглашая посетить его могилу на Востряковском кладбище. И повалит туда стар и млад — глазеть...

Умер Сахаров, а по радио — джаз. А по радио кричат «браво!» эстрадной певице. По радио про то, что «наши строители умеют строить сейсмостойкие здания» (не на их ли развалинах в Спитаке плакал Андрей Дмитриевич Сахаров?). «Кенгуру, кенгуру!» — оперетта включилась. «Прикован я к тебе как будто ворожбою...»

О смерти Сахарова я узнал от коллеги. Пришел на работу, а она вместо приветствия и говорит, чуть не плача: «Слышал, Сахаров умер?» Я как это услышал, сразу вспомнил, какую ему обструкцию устраивали на Съездах народных депутатов, и как-то горько-горько стало, словно бы при мне были слабого, а я не вступился, не помог ему, хотя потом, уже на панихиде, понял, что с Сахаровым все было совсем наоборот — он в одиночку всех нас пытался защитить — и сил, главное дело, на это хватало.

«Он счастливую жизнь прожил, — говорили в метро. — Он под конец жизни ощутил торжество своих идей!»

Через несколько дней в Центральном доме литераторов пройдет вечер памяти Сахарова и, открывая его, скажут: «За упокой Сахарова молились в церквях, костелах, мечетях, синагогах, баптистских домах и в храмах униатов...»

Всем он был нужен. Всем ли?

Декабрь 1989 года.